

Елена АРСЕНЬЕВА

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Елена Арсеньевна Арсеньева

Золотая рыбка

*Текст предоставлен правообладателем
Золотая рыбка:*

Аннотация

Ольга, жена браконьера, спасает во время рыбалки удивительное существо, которое выглядит как золотая рыбка. Откуда знать Ольге, что это межпланетная путешественница, вдобавок – волшебница, которая хочет отплатить добром за добро...

Елена Арсеньева

Золотая рыбка

Могло быть и хуже, могло быть куда хуже! Могло вообще случиться, что Денива родится раньше, чем Мать достигнет этой планеты, которая называется Джерана. А новорожденной в открытом космосе не выжить. Организм нестоек, неопытен, реакция превращений не развита, и пройти сквозь безвоздушность, а потом сразу – сквозь обжигающую оболочку Джераны самостоятельно Денива не смогла бы. Но признаки того, что Мать покидает ее, становились все сильнее. Стало труднее дышать – влага стремительно уходила из организма Матери. Слепая, неразумная, еще детская жажда жизни заставила Дениву резко забиться, чтобы вырваться на волю, однако постепенно пробуждающийся врожденный опыт многих поколений длугалагских покорительниц космоса подсказывал быть терпеливой и ждать. И она выжидала, сколько смогла, сдерживаясь изо всех сил, пока не поняла, что даже если ее и ожидает гибель тотчас после рождения, то не меньший риск и дольше оставаться в Матери. Гасли последние ощущения, делавшие их единым целым; по существу, Денива уже продолжала полет сама – вслепую, наудачу. Оставалось надеяться только на чудо и еще на то, что чутье Матери, подсказавшее ей прилететь из необъятного космоса именно на Джерану, где должна быть вода, не подвело. Но

вот Денива почувствовала, что некогда заботливое тело Матери отторгает ее. Среди неисчислимого количества новых ощущений были мгновенная нежность, и жалость, и тоска прощания, и страх... Но она даже не успела заметить, как исчезла Мать, – и сделала свой первый вдох.

О-о!.. Благодарение Матери. Она не ошиблась в выборе планеты. Вода, жизнь!

Как ни радостно было это открытие, расслабиться Денива не могла ни на мгновение. Ведь, оказавшись в чужой среде, надо тотчас к ней приспособиться. Она напряженно ждала появления обитателей здешних мест.

И вот увидела... Абориген медленно парил над почвой, слегка отсвечивая тусклым серебристым телом. Оно показалось Дениве уродливым, и она даже с некоторой тоской приняла его форму, не забыв оставить шлейф для взлета, который произведет сразу, как только наберется для этого сил. Денива обнаружила, что разум у встреченного ею существа убог и неконкретен, оно боязливо и неагрессивно, существование его зависит более всего от инстинктов. Денива, жизнь которой тоже основывалась прежде всего на инстинктивном знании и умении, не пожелала тем не менее счастье серебристого уродца собратом по разуму. Да, и ее Мать, и сестры Матери, и она сама, и все многочисленное потомство когда-то могучей и великой планеты Длугалаги рождались для разведки Жизни в космосе, но, едва вообразив холодную темную жидкость, которая лениво текла в этом унылом

теле, заставляя пульсировать медлительную мысль, Денива почувствовала нечто вроде обиды, что ей так не повезло в самом начале жизни. Это создание вызывало у нее отвращение. Возможно, отчасти причиной тому была оставленная Матерью память о встрече с представителями цивилизации планеты Агуньо-Цу-Квана, их тупым разумом и неразборчивой жестокостью. Они были, судя по стойкому отвращению, которое испытывала к ним Мать до последнего мгновения, чем-то похожи на этих... И Денива ощутила прилив мгновенной тоски и острое желание поскорее оставить эту планету и взмыть в прекрасный космос, следовать там своей межзвездной дорогой, изредка улавливая в невообразимой черной глубине сигналы летучих длугалагских маяков, собирателей и обработчиков информации для Межгалактических хранилищ Знания; иногда опускаться на встречные планеты в поисках светонесущей Жизни, накапливать сведения, чтобы потом опять передавать их маякам и неведомым, никогда не встречаемым на бесконечных космических дорогах сестрам, и снова, снова в одиночестве отдаваться радостному вихрю движения, пока не настанет и ее черед, умирая, дать жизнь новой неутомимой страннице, новой разведчице, новой дочери великой Длугалаги.

* * *

Ольга накануне долго плакала, а утром еле открыла гла-

за. Тихонько отодвинулась на краешек дивана, еще полежала немного, вслушиваясь в nepoтpeвoжeннoe дьxаниe Ромки, a пoтoм спoлзлa нa пoл и нa цьпoчкax выбрaлacь из кoмнaты.

На кухне в ведре с водой дрожал солнечный луч, пуская зайчики по небрежно выбеленной стене. Ольга посмотрела на свое неопределенное, дробящееся отражение и, кое-как собрав гребнем раскудрявившуюся косу, натянула платье, скомканное на стуле. Надо было бы, конечно, взять что-то другое, почище, не это – заношенное, но она боялась скрипом старого гардероба разбудить мужа. Дверь открывала тихо-тихо, не дыша...

На дворе было еще свежо. Август – обманщик, приманит дневным теплом, а ночью бьет поклоны близкой осени. Сонно шуршала вода за оградкой, еще пахло ночной сыростью. Вверху, на взгорке, просыпалось село... На воде дремал туман, но сквозь жемчужно-серую пелену неба пробивалась голубизна – день обещал быть солнечным.

Ольга оглянулась на тусклые окошки и сбросила платье на замусоренную плавником гальку.

Она плавала в тумане, и ей казалось, что вода холодно дымится вокруг ее разгоряченного беспокойным сном тела. Тяжелая, серо-коричневая, беспокойная вода... Ольга родилась, выросла, всю жизнь прожила на Амуре – любила и боялась его, как будто он был живым, угрюмым и непостижимым в своем величавом угрюмстве существом.

Она вышла на берег, хватаясь за борт лодки, потому что

галька больно колола ноги. Кое-как обтерла подошвом покрывшиеся пупырышками гусиной кожи, напрягшиеся от холода плечи и руки и натянула платье прямо на мокрое бельишко. Надо бы скорее бежать в дом, но она, вздрагивая, смяла с кола цепь, забросила ее в лодку, перелезла на корму и, взяв под банкой слегка отсыревший за ночь ватник, скорчилась, будто хотела спрятать под этим подобием тепла высокую, длинноногую, худую и озябшую себя.

Ольга потрогала свернутую косу. Волосы намокли. Ольга вытащила гребенку, раскинула сырые пряди по спине. На шею подтекало. От холода и неприятности снова подступили слезы.

Лодка мягко колыхалась у самого берега... Ромка вчера был так измучен, что даже не снял мотор. Добро, не сыскался какой-нибудь ушлый да не унес. Или Акимов – додумался бы, так и все его проблемы разом бы исчезли. И ему легче, и Ромке проще. Ну что толку в этой Ромкиной маете? Ничего для Ольги в том нету, кроме угрозы позора и вечной тревоги, и отвращения к деньгам, которых пока мало, но которых, уверяет Ромка, когда-нибудь, «очень скоро», будет много. Да, им нужны деньги. Тогда они смогут купить в городе кооперативную квартиру и уехать из этой промозглой избешки, и Ольга, может быть, вернется в институт, ведь последний курс. Хотя бы на заочное. Деньги нужны. Да разве деньги купят покой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.